

ВЫ ЧТО, ЕЩЕ
НЕ ПОНЯЛИ?

Джемма выстрелила.
*Мир вокруг выцвел в черно-белое, оставив только
ярко-красное озеро в сердцевине.*

С такого расстояния она никогда не промахивалась.

Дыра во лбу казалась огромной. Первые секунды ничего не происходило: Купер продолжал смотреть на нее отчаянным застывшим взглядом, и будто целая вечность прошла, прежде чем из дыры на лоб потекла первая струйка крови.

«Давай же, — в ярости подумала Джемма, — давай! Покажись! Явись прямо сейчас, сними маску, открой свое истинное лицо!»

*...Он сплетал пути и терял дороги, он заманивал в темную
глубь скалистой пещеры, он прятался во тьме и ненавидел
свет...*

— Давай! — зарычала Джемма вслух.

Купер медленно осел на пол. Глаза его закатились, и кто-то очень страшно захихикал где-то у Джеммы за ухом, но она не обратила внимания.

— Вставай! — заорала она, срываясь на хрип и подаваясь вперед.

Чьи-то руки ее удерживали, не давая подойти к телу.

*...Он сгущал небо, делая ночь длинной, а день коротким,
и выпускал ночами своих чудовищ...*

— Прекрати притворяться!

Когда он упал, голова глухо ударилась о доски, и теперь вокруг нее, пачкая золотые волосы, растекалось озеро крови.

...и был он ярко-красным, и бурым, и черным, и ледяным...
Кто-то прохихикал: «Сияй, сияй, маленькая звездочка».
Джемма пошатнулась.
Купер был мертв.

* * *

— Где сейчас мистер Купер?

Кэл едва услышал Киарана за поднявшимся гулом — пришлось к нему обернуться. Киаран шел с трудом, словно преодолевая сопротивление ветра, и прикрывал рукой лицо. Кэл оказался рядом, загораживая его от бури, и Киаран вскинул на него глаза:

— Вы оставили его в доме?

— Нет. — Кэл покачал головой. — Мы вышли за тобой вместе, но разделились в лесу.

Их с Норманом исчезновение с самого начала не сулило ничего хорошего, но теперь обрело поистине зловещий смысл. Все это плохо закончится, подумалось Кэлу. И это чувство — чувство приближающейся беды — еще никогда его не подводило.

— Ты можешь идти? — спросил он и, получив кивок, кивнул в ответ. — Тогда идем.

Кэл не знал, доверял ли он Киарану, но собственные выводы и ужасающая открывшаяся закономерность перевесили недоверие. Оказаться в доме Мойры и забрать мальчишку с собой — вот все, что сейчас имело значение.

Ветер нарастал, и Кэл повысил голос, перекрывая шум:

— Нужно возвращаться как можно скорее. Держи меня за куртку и, что бы ни случилось, не отпускай, ты понял?

Может быть, ему стоило помнить, что этот лес разделяет их не просто так. Может быть, бесконечные подозрения и путаница мыслей вытянули из Кэла больше сил,

чем он думал. Они не успели развернуться, когда сквозь вой ветра он услышал хруст веток — совсем близко. Слишком близко.

Может быть, он позволил себя обмануть.
И не успел среагировать.

* * *

— *Вставай!* — дернулась Джемма в чужой железной хватке в последний раз и затихла.

Купер лежал в луже натекающей крови, словно запечатленный на картине эпохи Возрождения: широкие мазки, контрастные тени, распростертые, как у святого, руки и откиннутая голова. Глаза, уставившиеся куда-то поверх их макушек.

Он ненастоящий. Ненастоящий!

— Он... — Джемма почувствовала дрожание собственных рук только потому, что пистолет заходил ходуном, и чужая смуглая ладонь крепко взялась за ствол поверх ее пальцев. — Он не...

Тогда почему он не превращается?!

— Заткнись, — раздался рядом ровный, донельзя спокойный голос Доу.

Джемма чувствовала — она все сделала правильно, так, как нужно. Сквозняк заскользил вдоль шеи, нашептывая: нужно кому? Джемма вздрогнула.

Доу — когда он оказался рядом? — удерживал ее, словно боялся, что она снова... Купер продолжал лежать, будто...

Все, что умирает, после смерти превращается в свою исходную форму.

Купер продолжал лежать — недвижимый в полутьме комнаты и абсолютно, неотвратимо мертвый.

— Я... — попыталась сказать кому-то Джемма — себе, Доу или тому, что лежало на полу, или Куперу, пропавшему из ее головы...

А затем что-то случилось со светом — он моргнул несколько раз, то погружая кухню в непроглядную темноту, то освещая обратно. И в последний раз, когда он вспыхнул, загораясь ровно...

...Купер снова стоял.

Пистолет дернулся в руке Джеммы, будто почуяв жертву. Доу замер.

Воцарилась полная тишина.

Он стоял так же, как до этого. Ровно на том же месте, где в него угодила пуля. Даже дыра была там же. Дорожка крови неторопливо стекала со лба, изгибалась на переносице, пересекала рот. Капли застучали об пол, разрывая накрывшую их тишину. Купер поднял руку и медленно, очень медленно, так медленно, что Вселенная успела остыть и сгинуть, поднял два пальца ко лбу. На секунду Джемма подумала: он хочет перекреститься.

Оно шевелится в темноте, качает ветки, воет ветром и ухает птичьими голосами...

Купер провел пальцами по лбу, пачкая их в крови.

Ни Джемма, ни Доу не произнесли ни слова. Они замерли, пойманные временем в тиски. Никто их не держал, не сковывал движения... Но пошевелиться не получалось.

— Сияй, сияй. — Купер хихикнул. Лицо осталось недвижимым, но рот растянулся в резкой перекошенной улыбке. В ней не было ничего живого. — Маленькая звездочка.

И посмотрел прямо на Джемму.

— Вы стоите в кругу. Свеча вспыхивает и чадит.

Глаза у него были черными. В них не отражалось ни мыслей, ни чувств, ни Времени, ни Пространства,

ни огней Белтейна, ни отблеска человеческого — только всепоглощающая, бесконечная чернота.

Страх, инстинктивный, парализующий, клубится внутри, поднимается все выше и выше по позвоночнику. Джемма чувствует себя древним воином, столкнувшимся с чем-то, что не может объяснить себе его ограниченный разум.

Нет, подумала Джемма угасающими чужими мыслями, он не войдет, пока ты его непустишь.

И снова спустила курок.

Звук выстрела разорвал мир. Она попала — Оно отшатнулось и все так же медленно приложило руку к груди, где теперь растекалось по рубашке алое пятно. Доу прошептал:

— Не опускай пистолет.

Оторвав взгляд от крови, хлещущей между пальцев, Оно снова посмотрело на Джемму и сказала радостным голосом:

— Белтейн никогда не наступит. Холмы никогда не закроются.

Джемма выстрелила в третий раз — а потом опустошила всю обойму.

Звук каждого выстрела взрывал перепонки, но приносил облегчение: каждое нажатие на спусковой крючок глушило безотчетный, животный ужас, который дрожал внутри.

После последнего патрона Оно рухнуло на пол и больше не поднялось.

Джемма выдохнула свой страх клубящимся изо рта паром.

Секунду спустя свет снова погас, на этот раз окончательно.

— Твою мать, — прошипел Доу сквозь зубы, но его плечо рядом на этот раз успокаивало.

Что-то вокруг неуловимо изменилось, хотя в полной темноте невозможно было понять, что именно. Но Джемма чувствовала: мир стал иным.

Пространство ощущалось по-другому, по ногам неожиданно заскользил сквозняк, ветер взъерошил волосы на затылке. В этом доме никогда не было тепло, а с каждым днем становилось все холоднее и холоднее — но только теперь Джемма поняла, как же здесь холодно на самом деле.

Бесконечно холодно.

— Фонарь, — сказала Джемма, и на середине слова голос внезапно осип. — Достань фонарь.

Два раза повторять не требовалось: Доу зашуршал курткой, а затем щелкнул кнопкой, и у их ног появилось круглое пятно света, которое тут же заскользило туда, где должно было лежать тело.

Оно все еще лежало — слава всем богам — там, где и упало, сраженное очередью выстрелов. Но принадлежало оно не Куперу.

И вместе с глубоким, откровенно удивленным вдохом Доу Джемма снова почувствовала облегчение. Она знала, конечно, она *знала*, она бы никогда не выстрелила, если бы не знала наверняка. Но, увидев своими глазами, что не совершила ошибки, словно скинула с плеч гирю.

Покачиваясь на ватных ногах, Джемма первой двинулась к телу, игнорируя предупреждающий оклик Доу. Освещенный только узким лучом фонаря, перед ними лежал высокий, худощавый мужчина в годах. Кровь на груди выглядела чернильно-черной. Одежда на теле была та, которую они выдали... Всё на месте: куртка, водолазка... Руки. Его руки.

— Дай, — все так же коротко и сипло приказала Джемма, протягивая чуть подрагивающую ладонь к Доу.

Тот сразу отдал фонарь, молча, будто теперь убежденный, что Джемма знает, что делает. Жаль, это ненадолго — отойдет от удивления и опять будет...

Сначала она посветила трупу в лицо, убеждаясь, что это ни при каком обмане зрения не мог быть Купер. Совсем другое лицо: широкое, с высокими скулами и коротким подбородком. Выглядел он лет на пятьдесят — виски уже совсем поседели. Глаза, слепо смотрящие вверх, были карими.

Потом Джемма перевела фонарик на его руки.

Черные...

— Да твою же мать, — пробормотал Доу сверху.

Мазутная мерзость бликовала в свете фонарика и уходила под испачканные манжеты куртки. Джемма посветила вниз. На ногах не оказалось ботинок: точно, ботинки были тем немногим, что на Купере осталось из своего. Значит, их и вовсе не было? И ноги и руки уже видоизменились: они бугрились, некоторые пальцы — неестественно изогнутые, длинные — слиплись, и Джемма сомневалась, что эту хрень можно просто вытереть полотенцем.

— Как у той твари...

Да. В лесу.

Джемма перевела луч на простреленную грудь, а потом на лицо и обратно. То, что вытекало из ран, кровью не было. Она не выглядела черной — это и была чернота.

— Они превращаются постепенно, — пробормотала Джемма. — Трансформация происходит не сразу. Эта хрень вроде как... пожирает их. — Она еще раз посмотрела на лицо. — Скорее всего, очередной турист.

Затем полезла во внутренний карман окровавленной куртки мертвеца, двумя дрожащими пальцами вытянула

искомое и отшатнулась от тела, чувствуя какую-то похмельную слабость. Последний взгляд на труп — и Джемма двинула луч фонаря дальше по комнате.

Дверь сильно просела и висела на одной петле. Из темного дверного проема тянуло зимним холодом. Деревянные стены прогнили, дерево осыпалось, кресло было оборванным и рваным, ветхим от древности. Потолок давно пришел в негодность. Шкафы стояли, но луч фонаря высветил толстый слой пыли на полках. Окно тоже было покрыто вековой грязью.

— Вот и сказочке конец, — пробормотала Джемма себе под нос.

— Этого не может быть, — голос Доу звучал низко, хрипло, скрывая шок за вибрирующими интонациями. — Это... *Как это возможно?..*

Дом, в котором они находились, пустовал десятилетиями. Если кто-то в нем и жил, то очень, очень давно.

— Вот ты мне и скажи, — пробормотала Джемма.

Детскую фотографию Купера она, слегка помяв, сжала между пальцами.

* * *

Они были слишком неосторожны.

Слишком привыкли, что в этой деревне их ничего не трогает, слишком расслабились оттого, что нападений почти нет, слишком приспособились держать угрозу на расстоянии вытянутой руки — да, даже Кэл. И сейчас пришло время за это поплатиться.

Кэл успел лишь снести собой Киарана в сторону и по инерции отлететь сам.

Промазав, существо приземлилось на четвереньки, глубоко утопая в снегу. В тот раз Кэлу почти не удалось

ничего разглядеть, но сейчас, стоя в двух шагах, он мог видеть все отчетливо.

Как Джемма и говорила, это был человек.

Изменения уже исказили облик, придавая ему звероподобные черты. Лицо перекошено — правую сторону сожрали черные вздутые жилы, волосы покрыты чем-то вроде пленки. Оно развернулось, как животное, боком и уставилось на Кэла невидящим взглядом одного, еще человеческого глаза. Черные зубы несколько раз клацнули. Кэл медленно потянулся за ножом.

А потом оно бросилось вперед. Не на него — на упавшего Киарана, который все это время в ужасе отползал назад и неудачно показался из-за спины Кэла. Прыжок у твари был стремительным. Быстрая, но *Кэл быстрее*.

Он был у нее на пути и следом полетел на землю, чувствуя опаляющее ледяное дыхание прямо у себя на лице. Вскинул руку, чтобы укус не пришелся в горло, но вместо этого тварь попыталась соскочить с него — вправо, туда, где лежал Киаран.

Кэл оказался ловчее: схватив чудовище за то, что когда-то было волосами, он перерезал ему глотку, чувствуя, что на руки льется куда меньше крови, чем должно бы. Тварь захрипела, забилась в конвульсиях, и Кэл всадил лезвие ей под челюсть, почти обезглавливая рывком. Захрустели жилы. Крови все еще было мало — только из-под подбородка хлынуло... Из-под оставшейся человеческой части.

Чернота уже поглотила одну половину лица: вздувшиеся черные вены пронизывали щеку, вздыбливали веки над залитым черным глазом, словно корни дерева под землей. Та половина, которая все еще оставалась человеческой, была пустой и бессмысленной — когда-то она принадлежала европейцу со светлой кожей и голубыми глазами.

Кэл откинул тело в сторону, выбираясь из-под него.

— Что это такое? — пробормотал Киаран, подходя ближе. Он боялся, но Кэл знал это желание — заглянуть своему ужасу в глаза. — Что... что это... Это что, ч-ч-чело...

Может быть, Кэл позволил себя обмануть.

Тело дернулось слишком сильно и неожиданно. Один мощный рывок, который Кэл мог бы предсказать, если бы не дал себе выдохнуть. Прямо к горлу склонившегося Киарана.

Кэл оттолкнул его быстрее, чем двигался когда-либо. Даже задуматься не успел, когда почувствовал, как обожгло бок, и когда замахнулся и всадил нож во вцепившуюся в него голову, в шею, в плечи — первый удар, второй, третий... К тому времени, как тварь дернулась в последний раз, руку почти свело.

Дыша громко и тяжело, зажимая раненый бок, Кэл ногой отшвырнул существо подальше. Оно перекаатилось на спину, длинный черный язык вывалился; внутри изрешеченной ножом головы вязко шевелилось что-то черное, перекрывая обнажившийся серый мозг.

Киаран дернулся к Кэлу.

— Отойди, — зарычал тот. — Назад. *Назад!*

Убедившись, что Киаран остался на месте, он, прихрамывая, двинулся вперед, к телу. А то... начинало исчезать. Чернота развеивалась. И одновременно, будто из последних сил, заползала на еще человеческую часть лица... Кэл пересилил вспышку боли. Он должен успеть посмотреть.

Чернота, словно живой паразит, медленно, но преодолимо поглощала то небольшое человеческое, что еще оставалось. Правая сторона лица страшно извивалась, будто там, внутри, проходили какие-то процессы, о которых Кэл не хотел даже думать. Другая же... Человеческий глаз внезапно задержался, бешено завращался, а потом

остановился на Кэле, вытаращившись на него из глазницы, быстро поглощаемой черными подтеками — как кровоизлиянием. Окровавленный рот захрипел, будто силясь что-то сказать, а потом изнутри заполнился черными сгустками, и звук задохнулся. Но глаз смотрел на Кэла до последнего.

И Кэл смотрел в ответ до самого конца.

Потом чернота неохотно и лениво — наевшаяся, сытая — растворилась в воздухе.

Кэл отошел на шаг. Затем еще.

И, зажав горящий бок, начал медленно оседать на землю.

* * *

Дневной свет ложился сквозь грязные и пыльные окна неровными, обглоданными пятнами. Под ботинками хрустел мусор. Без малейшего удивления — его больше не осталось, все израсходовалось — Джемма обнаружила, что кое-где куски пола сгнили и провалились, и теперь прямо оттуда, обвивая ножки полуразвалившейся мебели, росли трава и плющ.

На северной стороне дома не было ни одного целого окна: все лопнули от крена, который под гнетом времени дала хибара. «Вот почему здесь постоянно дуло», — флегматично подумала Джемма, провожая взглядом блуждающий луч фонаря. Дом был запущен, но интерьер остался тем же: тот же стол, те же скамьи в крохотной разбитой временем столовой... Только плита на кухне все так же исправно работала.

Доу был в кухне. То ли нянчил труп, то ли проводил свои гоэтические анализы — Джемма не знала, что он там делал, но оставила его, исследуя дом. Находиться рядом с *этим*, даже мертвым, она не могла.

Белтейн никогда не наступит. Холмы никогда не закроются.

— Интересно... А электричество? — пробормотала она вслух, натываясь взглядом на допотопную лампу в коридоре. — Как здесь горел свет по вечерам?

Над головой висел масляный светильник, заросший пылью.

— А разве его хоть раз включали? — сама себе ответила Джемма вопросом на вопрос. Воспоминаний об этом не было. Копаясь в памяти, она поняла, что за все дни в этом доме ни разу не взглянула на источник света. Ни разу не подумала о нем.

Ни разу не подумала о вещах, которые не вписывались в иллюзию.

Когда она обошла спальню и кухню и вернулась в коридор, то обнаружила, что Доу молча стоит в дверях комнаты, где они ночевали. На удивление, его лицо не было мрачным. Скорее...

— Охреневаешь? — спросила Джемма, проходя мимо него. Одна кровать просела в подпол, а деревянные ножки у другой давно отломились, но не это шокировало Доу.

Вся комната была в черных подтеках. Джемма это уже видела, прямо здесь, но не могла вспомнить когда: может, в ночь, когда Блайт отключился, или... Но она уже *видела* это. Смотрела сквозь иллюзию.

— А ты нет? — как-то глухо спросил Доу.

— Ну, может быть, я чего-то такого и ожидала.

Джемма внимательно осматривала комнату, в которой они провели столько ночей. Тряпичная растяжка на стенах была порвана в труху, пол вздыбливался под ногами, а потолок в двух местах грозил обвалиться. Фонарь обнажал заброшенность и затхлость. Мерзкие скопления черной дряни отражали луч света, когда он на них падал.

— А что? Вполне в духе этого местечка...

— *Роген.*

Джемма обернулась, чтобы посветить на Доу. Руки перестали дрожать, и сейчас наконец она чувствовала себя... в норме. В достаточной, чтобы иметь дело с Доу, который пытался удержать происходящее в рамках здравого смысла.

Вот дурак.

Он даже не обратил внимания на свет, ударивший в лицо, — и ткнул пальцем в сторону кухни:

— Ты хотя бы поняла, что там произошло?

Сияй, сияй, маленькая звездочка.

— Ну, да, да, я пристрелила его. — Джемма сама произнесла это вслух. Так было легче. Она вздохнула. — Каюсь, я была плохой девочкой. Теперь ты отчитаешь меня? Достанешь ремень?

— Да помолчи ты, — оборвал ее Доу. В его голосе не было злости — как бы он ни прятался за колючками, там все еще сквозила растерянность. — Труп. Ты видела, что с ним было?

Джемма подняла брови:

— Ну... э... — Настала ее очередь растеряться. — Он как бы встал. И наговорил жуткой херни. У меня, конечно, мало опыта, но выглядело вполне как ваша экзорцистская рутина.

— Ты глупа как пробка! *Законы одержимости, Роген!*

Джемма даже не обиделась — настолько Доу прозвучал сбитым с толку.

— На последней стадии одержимости дух окончательно уничтожает сознание жертвы. — Он растерянно взглянул на Джемму. — Это называется *инволюция*. Этап полного вытеснения. Только в этом случае возможна полная власть над телом. Но для этого... для этого

ему нужно вселиться. Пройти все пять фаз. Иначе не получится.

Джемма мало что поняла, но обескураженность Доу сама по себе на нее повлияла. Она не привыкла видеть его таким.

— Я не понимаю, этот процесс перескочить просто невозмож... — Он оборвал сам себя. — Когда тело уже неспособно выдерживать чужеродную сущность и умирает, дух *должен выйти* из него. Он *не может* оставаться в мертвом теле надолго. Мертвое тянется к живому. Не к мертвому. Но никакой дух не вышел из его тела, Роген. Кто бы ни управлял этим телом, он в него не вселялся.

Доу посмотрел в сторону коридора, а затем на Джемму. Он запустил пальцы в распущенные волосы, убирая их назад, и его неожиданно открытое, не завешенное, как обычно, лицо выдавало его с головой. Доу был в смятении.

— Этот человек не был одержим.

* * *

— О боже.

Киаран рухнул на колени рядом с ним, издал звук, похожий на испуганный вскрик, и резко зажал себе рот рукой, но второе сдавленное «боже» Кэл все равно услышал. И ответил:

— Бог... тут... не помощник.

Когда он делал вдох, всю левую половину тела прошивало болью. Киаран помог расстегнуть то, что осталось от куртки, и поднять ошметки свитера. Куски шерсти потемнели, будто и сам Кэл истекал не кровью, а черной жижей, которая до сих пор стояла перед глазами, — но Кэл мгновенно задал в себе эти ассоциации.

Окровавленной рукой он отвел пальцы Киарана, чтобы осмотреть, насколько все плохо. Что ж. Очень плохо. Тварь почти откусила от него знатный кусок мяса: бок был вспорот, мышечная ткань влажно хлюпала, истекая кровью, когда он пытался дышать.

От такой кровопотери, хладнокровно подумал Кэл, он умрет меньше чем за час.

Кажется, Киаран думал о том же — он надрывно дышал, его руки дрожали, придерживая свитер. Кэл почти лежал и опирался на него, чтобы окончательно не упасть на землю.

— Вы... вы?..

— Если ты опять спросишь, в порядке ли я, — с хрипом предупредил Кэл, — то я...

— Вы ни черта не в порядке! — разозлился тот.

Кэл взглянул на него снизу вверх: во взгляде Киарана мешались ярость и паника. Ладно, подумал Кэл, игнорируя судорогу. Ладно. Пора ему взрослеть.

Он взял его за локоть — так, чтобы Киаран к нему прислушался и чтобы не сползти на землю.

— Послушай, — сказал спокойно Кэл, — что тебе сейчас нужно сделать.

* * *

Пока Доу рассказывал по комнатам, Джемма принялась сортировать содержимое рюкзаков. Ситуация осложнилась, а значит, нужно оценить их возможности и перспективы.

Она никогда не полагалась на *законы*, или *правила*, или *научные данные*. Она просто... действовала по ситуации. Если правила игры менялись — Джемме оставалось только искать способ выиграть.

Дух не захватывал тело? Или перескочил все ступеньки лестницы одержимости? Ну, значит, на этот раз будет намного больше мороки. «Современность» оказалась иллюзией? Значит, нужно больше батареек для фонарика.

И это было гораздо серьезнее, чем философские размышления, которым Доу решил предаться.

У них девять фонарей и шесть упаковок батареек. Скоро стемнеет. Насколько хватит света, если фонарям придется гореть постоянно? Они переживут одну ночь, затем вторую... *Только вот ничего они не переживут, если не достать еды.*

Потому что на самом деле здесь никогда не было еды. Они *ничего* здесь не ели. Вот тебе и проклятый голод.

«Забавно, наверное, мы выглядели со стороны», — подумала Джемма, выходя в столовую с охапкой пакетов. Доу стоял в центре комнаты, направив фонарь вверх — так свет тускло разливался по всему помещению, подсвечивая висящую в воздухе пыль.

— Сколько энергии нужно, чтобы создать такую иллюзию? — задумчиво пробормотал Доу.

— Я не математик, — ответила Джемма, выкладывая пакеты на стол, к счастью, целый. — Помоги-ка мне.

На пару с Доу они заклеили окна в кухне. Дверь держалась: и без иллюзии она оказалась весьма крепкой, даже проржавевший засов на месте. Теперь ветер гулко задувал в столовой, но можно было закрыть дверь и туда. Здесь же он только бился в пластик, не в силах сладить с синтетическим продуктом современной цивилизации. Не в силах забраться внутрь. *Бейся, бейся, урод.*

— Столовую тоже надо заклеить, — сказала Джемма, осторожно слезая со скамьи. Кто знает, проломится ли она... Или, например, пол. — Нужно прогреть как

можно больше пространства. Иначе ты того и гляди окочуришься.

К шапке и куртке, которые Доу — как и они все — давно не снимал, прибавились перчатки и шарф. Он глянул на Джемму с неудовольствием. Раньше бы она рассердилась — «да что ему все время не нравится», — но сейчас, как ей казалось, начинала понимать эти его дурацкие острые углы.

— Энергия, — сказал Доу, когда они зашли в столовую. — Для того чтобы создавать когнитивные искажения, духам нужна энергия, *Роген*. Они питаются человеческим страхом и страданиями, но даже нас пятерых не хватило бы ему, чтобы такое повернуть. Черт, да даже всех этих чокнутых сектантов не хватило бы!

Растерянности в его голосе больше не было: пришел в себя и снова заковался в привычную мрачность. Джемма вздохнула — ну, еще пять минут, и следом опомнится подруга едкость.

— А я тебе уже сказала: ни фигу я не математик.

Здесь, в столовой, была разбита форточка, а основное стекло осталось целым. Небо за ним уже успело сменить оттенок своей извечной серости — градиент плавно перетекал в темно-сизый. А значит, совсем скоро неуловимо изменится на *черный*.

Ветер задул прямо в окно, занося на деревянную столешницу и пол ворох снега.

Впереди их ждала темная снежная ночь.

Джемма огляделась. Пакетов не осталось, она выгребла все, что нашла... Прибить плед? Будет продувать...

— У меня есть еще, — глядя, как она озирается, сказал Доу. — Я принесу и...

— Нет, подождет, — решила Джемма. Она пару раз щелкнула фонарем, раздумывая, а затем развернулась к Доу и продолжила: — Сначала остальные.

Она хотела пройти мимо него, но Доу неожиданно сделал шаг в ее сторону, загородив проход.

— Роген. — Он сузил глаза. — Куда ты собралась?

— За Кэлом, — как само собой разумеющееся ответила она. Чудик. — Раз уж мы разобрались с тем, что я не психопатка.

— Разобрались? Я бы не торопился с выводами.

Джемма закатила глаза и обогнула его, задев плечом. Недолго музыка играла — теперь, когда вернулся козлина-Доу, предыдущий, тот, растерянный, казался ей даже милым.

— Во-первых, мы в жизни их не найдем без связи. Нужно дожидаться тут, включи голову. — Доу вышел из кухни вслед за ней. — Во-вторых, мы теперь даже не знаем обстановку снаружи.

— Слушай, все это очень интересно и бла-бла-бла. — Джемма подобрала свою шапку, оказавшуюся на полу, и, лязгнув засовом, потянула дверь на себя. — Но темнеет, а Кэл и Норман где-то в лесу. И несмотря на иллюзию, все эти психи вокруг вполне реальны.

— Мы еще ничего не обсудили! — Доу ухватил ее за локоть, не давая выйти.

Да хватит ее трогать! У него что, проснулась тоска по физическому контакту? Джемма дернулась, но снова с раздражением вспомнила, что хватка Доу могла быть железной, когда он хотел.

— Да отвали ты!

— А ты — прекрати делать глупости! Что мешало деревенским схватить нас раньше?

— Теперь, когда им не нужно дурить нам го...

— Вы... вы что, еще не поняли?

Джемма и Доу обернулись, синхронно вскидывая оружие.

Запыхавшийся Норман, вставший в дверях, выглядел диковато. Он не обратил внимания на пистолеты, только произнес:

— Не было никаких деревенских.

* * *

Первый раз его ранили в шесть лет. Всё бы ничего, но ублюдочный пуамано так сильно задел почки, что дело было дрянь. Пришлось везти его в госпиталь в городе, и, насколько Кэл помнил по дедовым рассказам, когда доктора скорой увидели залитого кровью ребенка с изувеченной спиной, лица у них сделались неопишутые.

С тех пор Кэл оказывался ранен бесчисленное количество раз: его задевали слегка, задевали не слегка, задевали так, что он балансировал на тонкой грани между жизнью и смертью. Дважды он чуть не переходил ее — научный блок вытаскивал его буквально с того света методами, на которые Управление предпочитало закрывать глаза. Кэл знал, каково быть на грани гибели.

И не собирался сегодня умирать.

Когда Киаран разрезал свою кофту ножом, у него дрожали пальцы. Они казались ярко-ярко-красными на фоне серой земли и черных ветвей, почти гипнотизировали. Киарана трясло, куртка сползала с голых плеч, но он старался все делать быстро, пока в руках у него не оказались широкие полосы, а от кофты не остались одни обрывки.

— Сверни мне... вот этот отрезок рулоном. Да, вот так...
Давай сюда.

Кэл забрал у Киарана кусок свитера, который приказал вырезать с другого бока чуть ранее. Четкими движениями он взялся за кровоточащие рваные края раны, свел их

одним рывком и заткнул сверху прокладкой из свитера. Боль расходилась огненными спазмами, но Кэл только вздрагивал, не останавливаясь. Он выпрямился на второй руке и просипел:

— Давай.

Стоя перед ним на коленях, Киаран с белым — только ярко-красный смазанный след алел от щеки до подбородка — и мокрым от пота лицом принялся обматывать его получившейся лентой. Каждое усилие, которое он прикладывал, чтобы перетянуть рану и торс, вызывало пронзительные спазмы боли — до вспышек под веками. Но Кэл говорил только: «Туже». Это должно было уменьшить кровотечение и позволить им добраться до деревни. Успокаивало то, что до нее недалеко, а тревожило то, что тварь здесь могла оказаться не одна.

— Мистер Махелона... — почему-то прошептал Киаран, когда закончил, и Кэл обнаружил, что успел закрыть глаза.

— Ну, сюда тащил тебя я. — Кэл выдавил смешок сквозь зубы, прижимая руку к бугру под повязкой. Та уже намокала. — А обратно потащишь ты меня. Вот ребята обрадуются. Помоги... мне встать.

Лицо Киарана не выражало почти ничего — и одновременно казалось, что он готов расплакаться. Он с усилием помог Кэлу подняться, подхватил, когда тот неосторожно наступил на правую ногу и весь вздрогнул от прошедшей по правому боку боли.

Он был уверен, что Киаран спросит «Вы точно дойдете?» или даже «Вы сможете идти?», но он только нырнул обратно в куртку, сжав губы так сильно, что те побелели.

— Всё в норме, тихо, — все равно сказал Кэл, опираясь ладонью на его плечо. Куртка висела на Киаране мешком,

а голая, испачканная в крови Кэла грудь смотрелась одновременно жутко и беззащитно. — Застегнись... И пошли. — Он кивнул в направлении видневшегося над деревьями неба. — И держи нож при себе.

* * *

На пороге стоял Норман.

— Не было никаких деревенских, — повторил он так настойчиво, будто кто-то собирался с ним спорить. — Мне надо вам... Джемма, — осекся он. — Почему ты...

— Развязана? — Джемма покрутила запястьями. Она не хотела пугать Нормана новостями и сбивать его с важного. — Очаровала Доу своим чувством юмора, и он меня развязал. Где Кэл и Блайт, Норман?

— Я... — Он растерялся. — Я не...

— Да втащи его в дом и закройте дверь наконец!

Джемма так и сделала: снег уже заметало на пол, и она втянула Нормана за локоть, хлопком двери отрезая их от ледяного ветра. Норман был встрепан: красный от холода, очки сбились, шапка съехала. Видок под стать его взбудораженному лицу.

— Я не знаю, где они, — озадаченно сказал он. — Если честно, я думал, они будут тут. Думал, Кэл уже нашел его...

Джемме это не понравилось:

— Вы что, разделились?

— Нет! То есть да, то есть я...

Доу не выдержал:

— Ты растерял все свое ай-кью по пути сюда?

— Не слушай его, Норман. Расскажи мне, что произошло.

Но Норман как-то беспокойно поджал губы, бегая взглядом по комнате. Джемма было подумала, что его

шокировал истинный облик дома, но нет. Удивления на лице Нормана не наблюдалось.

— Прежде чем Доу изойдет ядом, — наконец сказал он, останавливая взгляд на Джемме и поправляя очки, — и решит, что с этого момента его главная цель в жизни — уничтожить меня как личность...

— *Чего?* — Кажется, Доу даже оскорбился.

— ...я хочу сразу сказать: я знал, что делаю. Это было безрассудно, но я...

— Боже, Норман Эшли! — застонала Джемма. — Просто скажи, что ты сделал, и мы разберемся с этим! Мне нужно знать, где Кэл!

Норман бросил опасливый взгляд на Доу, а потом как на духу выпалил:

— Я ушел от них в лесу.

Джемма не поверила своим ушам:

— *Ты сделал что?!*

— Послушай, я... Мне нужно было уйти, потому что при них они бы не стали со мной разговаривать, и я...

— Ну-ка давай-ка повторим, — Доу сделал к нему шаг, — ты, умник, решил поболтать с кучкой сектантов...

— Это не...

— ...думая, что это хорошая идея? Разделиться?

— Послушай, послушайте вы оба, сейчас не до этого...

Доу не дал ему продолжить:

— Отбился от команды. Поперся один хер знает куда.

Оставил группу.

Норман смотрел на него зло и затравленно, а именно этого и добивался Доу. Джемма покачала головой. У нее не было на это времени. Нужно выдвигаться, чтобы найти Кэла и полумертвого Блайта.

— Роген хотя бы творила херню в бессознанке. У тебя какое оправдание?

Этого Норман уже не выдержал — Джемма даже дернулась, когда он отшвырнул кочергу куда-то на пол.

— Хочешь моих оправданий, Доу? Отлично.

В первую секунду она подумала, что сейчас они сцепятся, что Норман действительно попытается вмазать ему по морде, — и уже собиралась принять удар на себя, потому что сдачу от Доу Норман бы не пережил, — но тот просто прошел мимо них к столу и рывком выложил что-то на поверхность. Потом обернулся и сказал:

— Вот тебе мои оправдания. Я знаю, что здесь происходит.